УДК 811.511.13

С.С. Шляхова

**ЗВУКОВОЙ СИМВОЛИЗМ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ:
ФОНЕСТЕМА, МОРФЕМА, СЛОВО. СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ***

Статья состоит из трех частей. В третьей статье рассматриваются основные подходы к определению звуко-символических слов и их типологии в индоевропейстике и финноугроведении; определяется маргинальность границ между звуко-символизмом и звукоподражательностью; выделяются основные группы звуко-символических слов на основании характера кинемы: интракинемы и экстракинемы. Устанавливается, что звуковой символизм морфем и звуко-символических слов коми-пермяцкого языка покрывает общие семантические области.

Ключевые слова: пермские языки, коми-пермяцкий язык, фоносемантика, синестезия, звуковой символизм, оно-матопея, иконизм, звуко-символические слова.

В западной лингвистике различают *Sound Iconism* (имитации звуковой стороны объекта, явления или действия) и *Sound Symbolism* (символизации означаемого звуковым жестом, способом артикуляции), однако оппозиции «звукоподражания – звуко-символические слова» часто не придают значения, основывая свои типологии без учета характера единиц-носителей звукоизобразительного значения. Ономатопея включается в типологии звукоизобразительные явлений наряду с акустическим признаком, фонестемой или характером интонирования [23]. М. Магнус классифицирует звукоизобразительные слова на основании фоносем, которые также включают звукоподражательные и звуко-символические слова [25]. В русской фоносемантике наблюдается стремление к дифференциации этих двух сфер звукоизобразительности.

Однако исследования показывают, что любое изучение звуко-символизма неизбежно «спотыкается» о звукоподражания, а любая ономатопея в конечном счете «дорастает» до звуко-символических абстракций. Удивительным свойством ономатопеи является ее способность разворачивать любой звук до масштаба Вселенной. Многие авторы [4; 5; 30 и др.] говорят о том, что в основе всякого звуко-символизма в том или ином виде лежит иконизм, поскольку «стремлением к иконичности реализуется принцип когнитивной экономии» [8. С. 43].

Все слова прошли долгий путь семантических, фонетических и других изменений, полностью утратив связь со звучанием, то есть произошел процесс денатурализации языкового знака. Однако в языках, которые не утратили связей со своими началами, фоносемантические маргиналии продолжают сохраняться в формальном плане, при этом одновременно являясь носителем и звукоподражательного, и звуко-символического значения. Так, в коми-пермяцком языке один и тот же звуковой комплекс может являться как ономатопеей, так и звуко-символическим словом или означать разные, но сходные по свойствам сущности на основе синестезии:

1) *быгыль* сев. «картофелина в мундире»; *ся быгыль кодь ён* «он [кругл] как шар (о полном человеке)» (звуко-символическое, форма); *быгыль-быгыль* изобр. «подражание ходьбе мелкими шагами»; *быгыль мунны* «идти частыми, мелкими шагами, семенить (о полном низкорослом человеке)»; *быгыльтны* «катить, покатить» (звуко-символическое, характер передвижения данной формы);

2) *силь-силь* «звук маленького колокольчика» (звукоподражательное); *силь, силь-силь, силь őшавны* «образ свисания стручков» (звуко-символическое);

3) *гичыр керны* «издать скрежет (зубами)» (звукоподражательное); *гичыр-гичыр* «подражание скрежету зубов» (звукоподражательное); *гич-гич керны* «кукусить (о ребенке, у которого режутся зубы)» (звуко-символическое); *гичыртны пиннез* «оскалить зубы, ощериться» (звуко-символическое);

4) *зільк* изобр. *зільк видзё* «вид стоячей воды в луже» (звуко-символическое); *зільк керны* «чавкать под ногами (о воде, грязи)» (звукоподражательное);

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта «Языковой быт современного прикамского села (социолингвистическое исследование)» (проект № 008-П) и гранта «Региональная идентичность Пермского края в языках, текстах, образовательных практиках: исследование традиций и динамики (1990-е – 2000-е годы)» (проект № 005-П) в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет».

5) зыр-бут изобр. зыр-бут мыччильны «неожиданно появиться» (звукосимволическое); зыр-бут «подражание грохоту» (звукоподражательное); зыр-бут пырны «запахавшись, ввалиться» (звукосимволическое); зыр-бут усьны «грохнутья, шмякнуться; упасть со стуком» (звукоподражательное);

б) *кыш-паш, кыша-паша* «звук шуршания листьев» (звукоподражательное); *кыш-паш* «изображение тихого действия; тихо» (звукосимволическое) и пр.

По мнению Ж. Колевой-Златевой, такие факты могут быть либо свидетельством «ограниченных возможностей ономотопеи», либо «звукоподражательное слово, поскольку является экспрессивным словом, своей формой может стать образцом для создания экспрессивного звукосимволического слова». Далее автор заключает: «Если бы происходило целостное развитие звукоподражательного слова, с участием также и его значения, можно было бы думать о звукоподражательном генезисе этих слов. В данном случае, однако, не происходит семантического развития при помощи метафоры или метонимии значения звукоподражательного слова, а осуществляется только основанное на синестезии (или синестемии) связывание «незвукового» значения с образцом звуковой формы, созданной на основании звукоподражания. Иными словами, можно думать, что иногда звукоподражательные образования становятся формальными образцами для создания звукосимволических слов» [8. С. 260-261].

На наш взгляд, принцип синестезии (синестемии) не отрицает иконизм первичной мотивировки, что позволяет рассматривать эти слова как примарно мотивированные, звукоизобразительные. Представляется, что зыбкость, маргинальность границ между звукоподражательностью и звукосимволизмом отражают синкретизм древнего мышления, который сохраняется в сфере иконизма по сей день.

Не случайно при всей скрупулезности в стремлении четко разграничить ономотопеи и звукосимволические слова это получается не всегда. Так, Ж. Колева-Златева как звукосимволические рассматривает явные звукоподражания: русск. диал. мн. *бó-б-ики* 'кролики', *бó-б-ка*, *бó-б-ко* 'кличка собаки', *бó-б-ки* мн. 'зайцы'; русск. диал. *ко-кур-ка* 'курица' [8. С. 239, 243]. Ср. в пермских говорах: *Зайчики-то бобочут, как-ко непонятно: все чё-то бо-бо-бо* (Жуланово Соликомский р-н). *Не по-собачьи лаёт – бобкат: бо-бо-бо* (Акчим Красновишерский р-н). Одновременно с этим русск. *бо-бо* означает «ворчание, бурчание, раздражённую речь» (*Ушла эть она, бо-бо, бобкает, какая-то она шибко злая*. Юм Кудымкарский р-н), а звукосимволически обозначает и/или указывает на физическое состояние боли, физического дискомфорта (*Бо-бо, Нюточка, ах мы сейчас этот стулик настукаем: тук-тук* детск. разг.); *Судну ва-ва, море бяка, Море сделало бо-бо*. В. Хлебников).

Все это еще раз показывает настоятельную необходимость фоносемантических исследований по общим методикам.

В.В. Левицкий, обобщив результаты многих исследований, выделяет основные теории, объясняющие механизм порождения звукосимволизма: (1) *ассоциативная теория* основана на предположении, что предъявляемые испытуемому искусственные слова ассоциируются в его сознании со звучаниями слов родного языка, и поэтому испытуемый оценивает не звучание, а значения предъявленных ему звуковых комплексов; (2) *референтная теория* выдвинута Р. Брауном [21], с точки зрения которого в основе звукосимволизма лежит опыт, приобретённый человеком в процессе практической деятельности. Человек «научается» тому, что большие предметы (напр., тяжёлый шкаф) издают (напр., при передвижении) низкие и грубые звуки, а маленькие предметы – высокие и приятные звуки. По этой причине испытуемые связывают высокие звуки типа /i/ с чем-то маленьким, а низкие звуки типа /a/ – с чем-то большим; (3) *теория «обратной связи»*, или *теория «языкового навыка»*, предложенная И. и М. Тэйлорами, является одним из вариантов ассоциативной теории, только здесь ассоциация проходит не по линии «звучание искусственного слова – звучание естественного слова – понятие», а по линии «элемент звучания искусственного слова – элемент звучания естественного слова или группы слов – понятие»; (4) *синестезическая теория* была сформулирована ещё Э.Сэпиром, который полагал, что существование звукосимволизма не может быть объяснено простой ассоциативной связью между звуком и смыслом [28. С. 234-235]. Звукосимволизма порождает «акустические или кинестезические факторы или комбинации тех и других». «Открытый рот, выдвинутые вперёд челюсти, сжатые губы, – пишут М. Бентли и Э. Вэрн [20. С. 86], – несут на себе пространственные и динамические значения, которые служат отличительными признаками произносимых и слышимых звуков». В основе звукосимволизма лежат физические свойства звуков, или, по выражению Ф. Кайнца [24. С. 204], транспозиция одних видов ощущений в другие, то есть синестезия [13. С. 88].

В.В. Левицкий считает: «Можно предположить, что на большей части сенсорного пространства действует механизм синестезии, а на некоторых его сегментах (например, на указанных выше шка-

лах) происходит переключение на механизм языкового навыка, так что получаемые в итоге результаты могут быть порождены сложным взаимодействием двух механизмов – синестезии и языкового навыка» [13. С. 90].

R. Cytowic, автор первой фундаментальной книги о синестезии, определяет ее как «ненамеренный физический опыт межчувственной ассоциации. При этом феноменологию явления следует отличать от метафор, литературных тропов, звуковой символики и преднамеренных артистических фантазий» [22].

Сложилось четкое разделение зон исследования – нейропсихология / физиология и поэтика, которые практически не смешивались до последних лет. Первым исключением стали работы Л. Маркса [26; 27], соединившие эти два подхода и позволившие ввести метафору и ассоциативность вообще в сферу исследования синестезии. У европейских ученых сложилось более широкое и, одновременно, функциональное понимание феномена: на основе многочисленных разнообразных экспериментов с информантами (синестетами и несинестетами) сделан важный вывод, что «синестезия не просто отражает природное соединение одной системы восприятия с другой, но может быть посредником и / или воздействовать в качестве символического / понятийного уровня репрезентации» [29. С. 237; 15].

Таким образом, синестезия является системным механизмом, в основе которого лежит процесс эмоционального обобщения, проявляющийся на семантическом уровне в общности эмоционально-оценочных свойств объектов разной модальности. Она обеспечивает связь между ощущениями разных модальностей, позволяет инвариантно воспринимать разномодальные объекты и на основе восприятия одной модальности реконструировать целостный образ. В процессе же ассоциирования схожие качества разных модальностей сенсорно не ощущаются, но возникает субъективное экспрессивное личностное впечатление сходства при одновременном восприятии сенсорных различий данных модальностей. В итоге восприятие объекта одной модальности наделяется эмоционально-смысловой и символической нагрузкой, которая передается в процессе восприятия объекту другой модальности. Общность оценок становится посредником для возникновения связей при неосознанном уподоблении объектов разных модальностей при участии психофизиологических и лингвистических механизмов синестезии и языковой метафоры [15. С. 89].

По мнению В.В. Левицкого, категоризация и выявление звукосимволической лексики представляет одну из наиболее сложных проблем фоносемантики. В советском языкознании приоритет в выделении сфер, где с наибольшей силой проявляется действие звукосимволизма, принадлежит Е.А. Гуджиевой [13. С. 100], которая выделила 16 основных «тематических групп» слов, обладающих звукоизобразительными свойствами (*ветер, явления природы, бег и ходьба, движение, уродства и физические недостатки, радость и любовь, горе и злость, глупость и безумие* и т. п.) [6]. Перечень таких «сфер» был уточнен Л.А. Комарницкой и В.И. Кушнериком [9; 11]. Однако здесь также не различается акустический (например, *ветер, явления природы*) и неакустический (например, *радость и любовь*) денотаты.

При этом в советском финно-угроведении известны и более ранние попытки типологии звуко-символических слов [1-3; 7], которые, впрочем, отличаются общими замечаниями относительно круга явлений, эксплицируемых звуко-символическими словами.

Типология финно-угорских звукоизобразительных слов изначально разграничивала акустический и неакустический денотаты. Д.В. Бубрих предлагает следующую типологию изобразительных слов коми: изображение тех или иных моментов действенных ситуаций на основе: (1) *слухового* восприятия; (2) *зрительного* восприятия [3. С. 90]. Фактически автор выделяет оноματοпею и звуко-символизм, ограничиваясь лишь слуховой и зрительной модальностью восприятия. Однако в тексте работы понимание сущности звуко-символизма расширяется: «Изобразительные слова скользят по видимой, слышимой, *осязаемой* (выделено нами. – С.Ш.) поверхности вещей, но не уходят в их глубину» [3. С. 92].

М.Д. Имайкина предлагает полимодальную классификацию мордовских звукоизобразительных слов: слова, характеризующие (1) *слуховые* образы; (2) *зрительные* образы (двигательные образы; световые впечатления; цветовые впечатления); (3) *двигательные* ощущения [7. С. 4].

В.И. Алатырев выделяет слова, выражающие (1) *зрительный*, (2) *звуковой*, (3) *осязательный* образ [1; 2].

С.В. Соколов выделяет три типа звукоизобразительных слов: (1) *имитативы* (оноματοпеи); (2) *образно-подражательные* слова: а) показывающие внешний облик различных предметов, б) дающие картину ходьбе, различным действиям; (3) *вокативные* слова (подзыв и отгон животных) [17. С. 70].

Обобщив предлагаемые в пермистике типологии звуко-символических слов, получаем классификацию: (1) *зрительные* образы: а) двигательные образы, в том числе дающие картину ходьбе, различным действиям; б) световые впечатления; в) цветовые впечатления; г) показывающие внешний облик различных предметов; (2) *осязательные* образы.

В американской лингвистике выделяют следующие «семантические и прагматические поля», где обнаруживается действие звуко-символизма: (1) мимикрия окружающих (внешних) и внутренних звуков; (2) выражение физического и эмоционального состояния человека; (3) выражение социальных отношений (уменьшительные формы, звательные формы, императивы и пр.; оскорбительные и уничижительные формы); (4) характеристика объектов и действий (движение, размер, форма, цвет, структура); (5) грамматические и дискурсивные индикаторы (интонационные маркеры дискурса и структура предложения, различия между частями речи); (6) выражения оценочного и аффективного отношения говорящего к предмету [23. С. 10; 13. С. 100].

Несмотря на то, что данная типология охватывает все перечисленные ранее сферы, ее некорректность, на наш взгляд, обусловлена отсутствием единого критерия, положенного в основу классификации.

Типология звуко-символических слов на основании редупликации представлена в исследовании Ж. Колевой-Златевой [8]. Автор последовательно отделяет звукоподражание от звуко-символизма, выделяя следующие группы звуко-символических слов в славянских языках: 1. Названия *маленьких (шарообразных) предметов*; 2. *Ласкательные названия человека*; 3. Названия *побрякушек, вистюлек, пустиачков*; 4. Названия *кусков, обрубков, отрезков, небольшого количества чего-либо*; 5. Названия *больших, грубых предметов*; 6. Слова, обозначающие *что-либо плохое*; 7. Слова, обозначающие *что-либо кривое, кривую линию или признак 'кривой'*; 8. Названия *длинных, высоких предметов*; 9. Названия *действий и их результатов*; 10. Названия *чего-либо страшного, ужасающего*; 11. *Эмотивные и экспрессивные названия человека* и производные от них; 12. Названия *животных*; 13. Названия *грибов*; 14. Названия *событий*. Согласно Ж. Колевой-Златевой, «форма с редупликацией иконическим способом связывается с образами: грудного ребенка, повторения и множественности. Путем семантического развития от этих образов развиваются и другие образы, на основании которых происходит формирование лексических значений» [8. С.247].

Ф.И. Рожанский выделяет следующие группы слов в африканских языках, для которых характерна редупликация: (1) *животные* (которые собираются *большими группами*; совершают *быстрые движения* (например, своими конечностями); движутся по *неровной траектории* (зигзагами или хаотично); имеют неоднородную структуру тела (прежде всего, состоящую из двух, как бы отдельных, частей); вызывают *отрицательные эмоции* (прежде всего, пренебрежение и отвращение); обладают неоднотонной (многоцветной, пестрой) окраской или покрыты *множеством колючек*; животные очень *мелкого размера*. В рассмотренных африканских языках наиболее часто редуплицировались названия муравьев, пчел, ос и змей; (2) *растения* (что, по-видимому, тоже связано с целым рядом параметров, учитывающих форму и окраску цветов, листьев, плодов растения); (3) *части тела* (как правило, тех, которые имеют высокую степень *кривизны*, ярко выраженную *округлость* и/или которые можно охарактеризовать как *«вытирающие»*, например, подбородок, Адамово яблоко, желчный пузырь); (4) *болезни* (разного рода судороги, кожные и венерические болезни, болезни желудочно-кишечного тракта); (5) *природные явления* (мелкий дождь, раскаты грома, молния, радуга) и пр. [16. С.209-210].
Важно отметить, как отмечено В.В. Левицкий: «Полученные на материале различных языков наблюдения дают определённое представление о том, какие участки объективной действительности обозначаются в языке с помощью звукоизобразительной лексики. Тем не менее, установить зависимость между определённым типом денотативных значений и фонетической мотивированностью слова можно только с помощью более строгой процедуры анализа, основанной на использовании статистики» [13. С. 100]. Тем не менее, данные по семантике редупликаций Ж. Колевой-Златевой и Ф.И. Рожанского во многом совпадают, несмотря на то, что получены при помощи различных методик.

С.В. Воронин [4] предлагает типологию звуко-символических слов, которая также охватывает все перечисленные сферы, но на едином основании – кинема (жестовые и мимические движения). Среди кинем выделяются *интракинемы* (сенсоинтракинесемизмы – обозначение «рефлекторных» движений, процессы в сфере сознания человека) и *экстракинемы* (мимические подражания «внешним» неакустическим объектам по их форме, размеру, движению: обозначение округлого, большого / малого и пр.).

В области интракинем выделяются: (1) *мимеоинтракинсемизмы* (улыбка, мимика презрения, пейоративы и пр.); (2) *эмоинтракинсемизмы* (обозначение «выразительных» движений тела: мимика, пантомимика, вокальная мимика (интонация и тембр); (3) *волеинтракинсемизмы* (обозначение движений, сопровождающих волевые акты: напр., сжимание губ – мимика упрямства или упорства); (4) *метаинтракинсемизмы* (напр., движения, сопровождающие решение задачи: морщить лоб, шевелить губами и пр.) и др. [4]. Подобные подходы на материалы пермских языков нам неизвестны. Однако очевидно, что данная типология применима к любым языкам, в том числе и к коми-пермяцкому.

Как уже говорилось, звукосимволическую подсистему звукоизобразительной системы языка составляют звукосимволические слова (неакустический денотат): *тульк-мельк, кульк-мельк* «падение кувыркком», *шай-пай* «о растерянности, недоумении»; *чер-бар* «катиться кувыркком, задрав ноги вверх» и пр. Наибольшее число признаков, лежащих в основе номинации звукосимволических слов, приходится на долю зрения: (1) динамика: *движение*: мгновенное / длительное, быстрое / медленное, резкое / мягкое, ровное / неровное, прерывистое / непрерывное, беспорядочное / скользящее; (2) статика: *удаленность*: близко / далеко; *размер*: большое / маленькое; *форма*: округлая / искривленная / заостренная / вытянутая). Осязание дает номинацию через ощущения: *тактильные* (гладкое / шероховатое; твердое / жесткое / мягкое / упругое), *температурные* (горячее / холодное), *болевые* (режущая, колющая, тупая, острая, ноющая боль). Через обоняние (восприятие запахов) и вкус (сладкое, соленое, кислое, горькое) номинация происходит через *приятные / неприятные ощущения*.

Для обозначения звукосимволических слов в коми-пермистике употребляется термин *образо-подражательные слова*. По определению А.С. Кривошековой-Гантман, образоподражательные слова представляют собой условные изображения с помощью звуков речи двигательных образов, движений, состояний, качеств, предметов. Иногда в образоподражательном значении используются звукоподражательные слова, получающие при этом новый семантический оттенок [10]. Ср. *Люш-ляш чапкисис, унньöвтис ныр сорнас да ланьтис* (*Люш-ляш* (изображение падения обмякшего пьяного человека) бросился, засопел носом и заснул). М. Лихачев; *Жагöника питкыль-питкыль сибöтчис тöдтöм морт ферма дынö* (Медленно, ковыляя (*питкыль-питкыль* – изображение ковыляния), приближался незнакомый человек к ферме); *Важын ни деревня пасьта кусисö бизз, только Торшенёвлön дзуз видзö, кольлалö медбöрья морттэсö* (Давно уже в деревне погасли огни, только у Торшенёва чуть-чуть светит (*дзуз* – изображение небольшого огня), провожает последних (уходящих) людей). М. Лихачев.

В номинации важную роль играет не только сенсорная, но и эмоциональная сфера. Психофизиологической основой звукосимволизма является синестемия (букв. «соощущения» + «соземии»). Поскольку значительная часть денотатов звукосимволических слов лежит в сенсорно-эмоциональной сфере, то синестемия является психофизиологической универсалией, лежащей в основе звукосимволизма, который является универсалией языковой. Под синестемией понимается различного рода взаимодействия между ощущениями разных модальностей (реже – между ощущениями одной модальности) и ощущениями и эмоциями, результатом которых на первосигнальном уровне является перенос качества ощущения (либо перенос нервных импульсов), на второсигнальном же уровне – перенос значения, в том числе перенос значения в звукосимволическом слове [4].

Так, акустическая оноματοпея *силь* «тихий звон, динь-динь», *сильгыны* «звенеть», *силькötны* «звенеть (о колокольчике)», *силькан* «колокольчик» (< общеп. *s'il- «петь» [12. С. 271]) > звукосимволическое слово *силь* «о спелых стручках»: *Силь öшалисö анькытши пуртöссэз* (Тихо свисали спелые стручки гороха). В данном случае синестемические связи происходят по многим признакам: (1) акустические: ударная природа (удар + тон, звук от удара); характер звучания (тихий звон); (2) неакустические: (а) визуальные: размер (маленькое); форма (округлая); движение (прерывистое, беспорядочное); принцип устройства (внутри полости – другой элемент, издающий шум); расположение в пространстве (вниз); (б) осязательные: тактильные (твердое).

Акустическая оноματοпея *тан-тан* «тихий стук», *тан керны* «стукнуть», *тинь-тинь* «тихий звон», *тиньгыны* «звенеть» связана со звукоизобразительным значением *тон-тон кын* «обледенелый»: *Муыс чорзёма тон-тон. Кайпöлс дзёбсисьöм*. В. Климов. (Земля затвердела сильно. Птицы спрятались). Здесь синестемия по (1) акустическим признакам: ударная природа (удар + тон, звук от удара); характер звучания (тихий звон) и (2) неакустическим: (а) визуальные: движение (прерывистое, беспорядочное); (б) осязательные: тактильные (твердое).

А.С. Кривошекова-Гантман отмечает, что среди образоизобразительных слов выделяются такие, которые представляют собой корни знаменательных слов (глагола или имени). Такие корни,

употребляясь с глаголами, очень часто, помимо изобразительного значения, обозначают мгновенность действия.

Например, *пым* (ср. *пым* «горячий»): *Киам пым сидзис* (Руке моей стало тепло). Ономатоп *пымавыны* «потеть, вспотеть» утратил примарную мотивированность, которая, на наш взгляд, восходит к пару, дыханию, испарению, где в значении сближаются семантика огня и влаги. Ср. *пывсян* «баня» < допермск. **poltes* «дух» [12. С. 234].

Ср. семасиологические параллели в славянских языках: рус. *пылать, пыл, пылкий, пыль, пыхать, пух, пыхтеть*; укр. *пил* «пыль», *пихкати* «пыхтеть», блр. *пыл* «жар, пламя», чеш. *pyl* «пыльца» < ономатопоэт. и.-е. **p(h)ǵ-* «дуть» [19(3). С. 418, 421]. Ср. также к.-п. *пым* «горячий», *пым вира* «энергичный (букв. имеющий горячую кровь)», *пывсян, пывсян чуд* «банный дух»; манс. *рот, рат* «пар в бане»; уд. *пыйсян*, вым. иж. *пыысян*, вв. *пысян, пылсян* «баня»; вв. *пывсян олысь, пывсян айка*, печ. *пылсян айка*, вым. *пывсян горань* «дух бани», вым. *пылсян гажтём* «банная жуть» и пр. Со времен сотворения мира *пывсян* (баню) сближало нахождение в ней в непосредственной близости двух основных стихийных оппозиций – огня и воды, а также ее необходимый атрибут – горячий пар (ср. «холодный пар» – туман, как один из маркеров первобытного хаоса) [14].

Таким образом, можно полагать, что звуко-символические значения слова *пым* (свойство горячего (теплого) и мгновенность действия) восходят к звукоизобразительному значению «дух, дышать, пар». В данном случае синестемические связи происходят по неакустическим признакам: (1) визуальные: движение (быстрое, мгновенное); (2) осязательные: температурные (горячее).

До сих пор в научной коми-пермяцкой литературе звукоподражательные и звуко-символические слова определялись согласно интуиции исследователя. Однако главным критерием определения звуко-символического слова является этимологический анализ, поскольку сферы звукоподражательности и звуко-символизма не только переплетаются, наслаиваются, пересекают друг друга, но и в процессе эволюции языка утрачивают связи со звукоизобразительной природой, переходя в сферу немотивированности (конвенциональности). «История развития органов чувств явствует, что все основные исходят из одного источника – в самом начале существовала лишь одна модальность и одно диффузное сенсорное переживание. Все ощущения произошли и развились из этого одного источника <...> Достаточно обратиться всего к нескольким примерам, чтобы убедиться, что наша речь не предполагает наличия пропасти между ощущениями различных модальностей» [18. С. 194; 15].

Несмотря на то, что коми-пермяцкие звуко-символические (образоподражательные) слова так или иначе привлекали внимание исследователей, их описание сводилось преимущественно в перечислению в произвольном порядке этих слов, а также к самой общей специфике их семантики. Представим типологию коми-пермяцких звуко-символических слов в самом общем виде, поскольку подробное описание этой группы требует дополнительных эмпирических данных.

1. Интракинемы

В коми-пермяцком языке можно выделить следующие группы интракинесемизмов:

1. Сенсоинтракинесемизмы:

1) втягивание носом воздуха: *вирс-вирс* «шмыганье носом»; *вишкыны, вирскыны* «шмыгнуть носом»; *виш керны* «нюхнуть, шмыгнуть носом»; *дукывны, заналны* (< *зын* «вонь, запах») «нюхать»; *сульны* «сморкаться»; *чуш-виш нырён керны* «тянуть носом, принюхиваться сопеть»; *чушкайтны, чушнитны* «фыркать, шмыгнуть носом»; *пишкыны* «сопеть (во сне)»;

2) фыркание: *хорскыны, пишык-керны, пиш-керны, пыш-керны* «фыркнуть», *пишыктыны* «фыркать, сопеть», *пишык-пишык, пыш* «о фыркание»; *пышкытны* «вздохнуть, дышать, пыхтеть»;

3) храп: *корйыны* «храп», *карётны, коргыны, коргыны-узыны, коркйыны-узыны, корскайтны, корскыны-узыны, парскыны-узыны, саркйыны-горавны* «храпеть; спать, издавая храп»; *кор-кор, корс-корс, кор-р-кор-р* «о храпе»;

4) свист: *шутнявны, пиксыны* «свистеть (напр., на свистульке)»; *свист да свист керны* «громко свистеть»;

5) чихание: *чихйыны, несйыны, чик керны* «чихнуть, чихать»;

6) лакание, лизание: *лэйкыны, вильётны, лакны* «лакать», *лювны* «лизать»;

7) сосание, чмокание, смакование: *чупкыны, сёскыны, нимавны* «сосать», *чуп-чуп окышитны, чупкыны, чупкыны-нимавны* (букв. чмокать-сосать), *чуп-чап керис* «чмокнуть, чмокать, целовать, поцеловать»; *чапкётчыны* «чмокать, причмокивать»; *чуп, чуп-чуп* «чмок-чмок»; *чурскыны, чурскыны-юны* «пить причмокивая»;

8) плевание: *пульс събъзыны, вальскыны* «плюнуть, выплюнуть», *чурс събъзыны* «звучно плюнуть (со звуком *чурс*)»;

9) цоканье: *чак керны* «цокать языком»;

10) чавканье: *чуп-чап керис* «чавкать», *шлям-шлям, сюв-сяв* «чав-чав», *жвачкыны-сёйны, вуп-воп сёйны* «есть, чавкая», *чап керны* «чавкнуть»;

11) дуновение (ртом), дыхание: *фу керис, пишкыны* «сопеть (во сне)», *пöльтны, пöлявны, руавны* «дуть, раздувать, сдувать», *руасьны* «выпускать пар изо рта», *тишынйыны-куритны* «курить (букв. дымить-курить)», *акайтны* «ахать»; *ашыктыны* «тяжело дышать»; *пышкытны, пушиктны* «вздыхать, дышать, пыхтеть»; *уф-фу-фу керис* «дышать»; *ашыкытны, карчитны упкыны, ышки-пойки лолавны, ышки-пойкиасьны* «пыхтеть, тяжело дышать»; *уф, ышки-пойки* «об одышке, тяжёлом дыхании»; *лов шы* «дыхание, звук дыхания»; *ловзисьны* «вдохнуть, вздохнуть»; *лолалöв-керны, лолавны* «дышать»; *пушкыны* «раздувать огонь»; *упкыны-чушыктны, уф да уф керны, чашыктны* «задыхаться, тяжело дышать»;

12) плач, вой: (а) жалобный, тихий, беззвучный (отсутствие голоса) плач: *пильскыны, рик-рик* «о плаче», *риксныны* «хныкать, плакать»; (б) рыдание; громкий, несдержанный плач: *базаниты-горзыны, арзыны, авзыны, аксыны, ваксыны, бöрдны-горзыны, базаниты, чарзыны-горзыны, чар-чар горзыны, сыркъявны сыркъявны-горзыны, унъявны; уавны* «плакать о ребенке»;

13) крик, ораание, рев: *авзыны, карзыны, айзыны, авöстны, ряксыны* «кричать, громко крикнуть», *ряк-ряк, рявгыны, рявзыны-горöтлыны, ряк-ряк, ряк да ряк, ряв-ряв видчыны, чаръявны-горöтлыны* «о крике человека», *чирöстны, чирзыны, чарзыны-горöтлыны* «пронзительно кричать»; *чир-чир мунны* «повизжать, покричать с визгом», *чижсьявны* «кричать с надрывом»;

14) смех: *вак-вак* «о громком смехе», *ваксьыны-серавны, ваксьыны, гегзыны, ваксьыны-серавны, гильзьыны-серавны* «хохотать, гоготать», *гот-гот* «о раскатистом хохоте», *вак-вак серöмтчыны* «громко засмеяться», *гот-гот серавны, готсьыны-серавны* «смеяться раскатисто, залиvisto (о детском смехе)», *готсьыны-серавны* «смеяться гогоча», *дзульзьыны-серавны* «весело смеяться (о детях)», *ка-ка-ка, ки-ки-ки* «о хохоте», *нюм* «о смехе», *нюм мунны* «слегка ухмыльнуться», *пырсйыны* «смеяться, усмехаться, хихикать», *рыз-рыз* «о смехе, часто пренебрежительном, ироничном», *рыз-рыз серöмтчыны* «засмеяться менее громко (часто в ироническом смысле), заржать», *шынъявны-серавны* «весело смеяться», *шынъ серавны* «засмеяться, смеяться», *шынъ мунисö, шыннö-втисö* «ухмыльнулись»;

15) хихиканье: *гы-гы, рыг-рыг, ки-ки-ки, хи-хи-хи; киксыны, киксыны-серавны* «чихикать», *пильс* «о хихиканье», *пильс серöмтчыны* «засмеяться, чуть-чуть раскрыв рот, хихикнуть, ехидно улыбнуться», *пильскыны* «чихикать», *пильскыны-серавны* «ухмыляться»;

16) кусание: *амны* детск. «есть»; *ашнöявны* «хватать, жадно есть»; *нямны, трескыны* «есть», *адавны* «жрать, сожрать», *аклявны* «жевать деснами (о беззубом человеке)», *жамгайтны* «жевать, еле шевеля губами (о жвачных животных)», *жымгыны* «стискивать (о зубах)», *жамйыны* «медленно жевать», *жолвакыны, жоритны, жорскыны* «жрать, сожрать», *курччавны* «кусать, откусывать, жевать», *пурлыны* «кусать», *пурны* «кукусить»;

17) глотание: *гульс-гульс* «о звуках глотания», *дзурс-дзурс юны, кавскыны-юны, ковс-ковс юны, лычкыны, лэбтыны-панявны, хлебать* «пить крупными глотками», *кавскыны, ньылышты* «глотать», *чурс керны, чурс-чурс керны, чурснитны* «глотнуть, отпить»;

18) икота: *икайтны, витикыны, витшыктыны, витти-витти керны*;

19) кашель: *кашельтны, каркнитны, кушкыны кушык-кушык керны* «кашлять, кашлянуть», *кушыктыны* «покашливать», *ковс-ковс* «звуки кашля»;

20) рыгание, рвота: *горзьöтны* «отрыгнуть, рыгать», *вуктыны* «отрыгнуть, рвать», *горзьöтны* «отрыгнуть, рыгать», *öс* «блевотина, рвота», *öсöв-керны* «блевать», *öсöt* «тошнота, позыв к рвоте».

21) хрип: *кир(а)-вар(а), чиж-важ* «о хрипах в горле», *кежгыны, киргыны* «хрипеть».

2. Мимеоинтракинсемизмы:

1) *бе* «фу, тьфу»; *гыд-гыд, жысь, мак, маш* «об удивлении, недоумении»; *дзугыльтчыны, дузны* «хмуриться, нахмуриться»; *гичьртны пиннез* «оскалить зубы, ощериться»; *дзугисьны* «насупиться»; *шай-пай* «о растерянности»; *шай-пай лоны* «растеряться».

3. Эмоинтракинсемизмы:

1) *дрöг / дрöж мунис* «дрожь пробежала»; *дзугыльтчыны* «испугаться, рассердиться, обидеться»; *дузны* «сердиться»; *леш-вош, лешки-вошки* «о состоянии крайнего возбуждения»; *бав, бав видзöны* «о состоянии бодрствования».

4. Метаинтракинесемизмы:

1) *дзуг* «задумчивый, потупивший взор».

Таким образом, в коми-пермяцком языке наиболее частотна по лексике сенсорная сфера человека, связанная с жизнью тела.

II. Экстракинесемы

Среди экстракинесемизмов в коми-пермяцком языке можно выделить следующие группы:

1. Форма:

1) извилистость, кривизна: *гигинь-гогинь* «зигзагообразно (движение, направление, русло реки и пр.)»; *гигинь-гогинь кырётны* «провести волнистую линию»; *гигинь-гогиня* «зигзагообразный, извилистый»; *копыр-копыр ветлётны* «ходить сторбившись»; *копыртны* «наклонять»; *нюкыр-нюкыр, тьяп-ляп нюкыртны* «согнуть, наклонить»; *нюмыр-нюмыр керны, нюмыртны* «кривить, мять, плющить»;

2) торчать, выделяться: *дун* (*дунъявны* «торчать (о животе)»); *нав* «о чем-л. виднеющемся»; *тюд* «о выставляющихся, бросающихся в глаза предметах, растениях»; *чер-чер* «о состоянии торчания, напр., ног»; *чуй, чунь* «одиноко торчать»;

3) опухать, вздуться: *дун* (*дундыны* «раздуться, напр., о животе»);

4) открытый: *жерк керны ём* «приоткрытый рот»; *ван* «настежь».

2. Температура:

1) горячее: *шон* (ср. *шоньт* «тёплый»); *пым* (ср. *пым* «горячий»);

2) холодное: *тон-тон, йот-йот, торс-торс* «о состоянии сильного замерзания, напр., белья, земли»;

3. Характер движения, действия, процесса:

1) повторяющееся, регулярное, ритмичное: *лег-лег / легыр-легыр* «о махании хвостом»; *легётны, легыштны* «трясти махать»; *лет-лет* «о потряхивании»; *лег-лег керис* «потряс»;

2) однократное: *дрин чужйыны* «пнуть»; *дзин керны* «лягнуть»;

3) беспорядочное, хаотичное, небрежное: *тульк-мельк, кульк-мельк* «о падении кувырком»; *курни-верни* «о небрежных действиях»; *пасьтасьны* «небрежно, как попало одеться»; *куртны-картны* «кое-как собрать, сгрести что-л., хватать от жадности»; *чер-бар / чер-бар таравны* «катиться переворачиваясь, задрав ноги вверх»; *тяп-ляп керны* «плохо, небрежно что-нибудь сделать»;

4) мелкое, дробное: *быгыль-быгыль мунны* «семенить (о полном низкорослом человеке)»; *гиззыны* «сыпаться»; *гизыгыны-зэрны* «моросить (о дожде)»;

5) быстрое, мгновенное, неожиданное: *шув-нав пырны* «неожиданно зайти», где *шув-нав* употребляется исключительно со словом *пырны*, так как может передавать особенности только этого действия «зайти быстро, стремительно, уверенно»; *быз-быз мыччисьны* «появиться неожиданно»; *мельк керны, звирк керны* «мелькнуть»; *нюк-няк* «о быстрых и решительных действиях»; *навйёвкерны* «промелькать»; *кувк-навк навкавны* «быстро касаться, достать до чего-л.»; *навкниты* «мелькнуть»; *тран* «о внезапном появлении чего-н.»; *тюк* «о чьей-л. неожиданной встрече вплотную»; *нюлыш-малыш* «кое-как, второпях»; *быз-быз / быз-баз* «о неожиданно появившемся предмете (нередко имеет отрицательный смысл)»; *дзар керны* «бросить быстрый взгляд»; *зыр-бут* «неожиданно, свалиться как снег на голову»; *тюр / тюр-тюр котёртны* (детск.) «побежать быстро (о ребёнке, который учится ходить)»; *шарк вундыштіс* «быстро, уверенно разрезал»; *швырк* «о молниеносном исчезновении (реже появлении) кого-, чего-л.»;

6) одновременное: *ы-ымм* «о одновременном проявлении (напр., поднимания рук)»;

7) устойчивое, прочное: *жын* «прочно»;

8) неустойчивое, шаткое: *либи-лёби, лиги-лёги, люг-лег, люги-леги* «о чем-л. непрочно, шаткому»; *сунбан-сунбан* «о покачивании, запинании, шатании»; *сунбан-сунбан чеччыны* «встать пошатываясь»; *люшкыны-мунны* «идти тяжело, еле двигая ногами»; *кромльык-кромльык* «о походке хромого»; *питькыр-питькыр / питкыль-питкыль; питькыр-питькыр пырис керкуё* «(переваливаясь) вихляясь зашёл в дом»;

9) **свисание, болтание:** *лёб-лёб ёшаліс* «живот отвис»; *лёбьявны* «болтаться, свисать»; *силь / силь-силь, силь ёшавны* «о свисании стручков».

4. Интенсивность проявления действия, качества:

1) максимальная: *чиж-важ* «визг (пилы)»; *бёбись* «что-либо делать с очень большой силой, энергией; в большой степени выражения конкретного действия» (*бёбись котёртны* «очень сильно

бежать», *бѳбись видчыны* «сильно ругаться», *бѳбись серавны* «громко, безудержно смеяться»); *дзирс* «усиливает значение прилагательного»; *лич* (ср. *личыт* «слабый; просторный, напр., костюм»); *ляп-ляп / люш-ляш / люп-ляп / ляз / люски-ляски код / сiя* «совершенно пьяный»; *люзь ва* «совершенно мокрый»; *дзирс немыт* «совершенно темный»; *леш-вош видны* «сильно выругать»; *дрин пѳтны* «наестся вдоволь, насытиться»; *дрин-дрин* «о животе (как барабан); наполненный до отказа»; *ѳт-ѳт кынтны* «сильно заморозить»; *ляч-ляч сiя / пасьтѳм (куш)* «он совершенно голый; люзь пымавны «сильно вспотеть»; *паз / рез-паз лѳгасьны* «сильно рассердиться, разругаться»; *ляп-ляп / люп-ляп коддзыны* «совсем опьянеть»; *нюпыр-няпыр сiя / ѳмсѳ керис* «он вот-вот расплачется»;

2) слабая: *кыш-паш* «бесшумно»; *лешкыны-вѳтчыны* «с трудом успевают, плестись за кем-л.»; *лешкыны-гѳняйтны* «ехать самой тихой рысцой»; *дзуз* «чуть-чуть, незначительно»; *лич лѳдзис* «полегчало (о состоянии здоровья)»;

3) отсутствие действия, движения: *зiльк видзѳ* «вид стоячей воды в луже»; *дун керсьѳм* «застыло, не движется»; *жѳв керсьыны* «насторожиться, притихнуть».

6. Неопределенная множественность:

1) *люзи-лязи, шурум-бурум, летки-петки* «о лохматом, взлохмаченном, растрепанном, небрежном, неаккуратном»; *мук-мук кодъ сiя* «ни то ни се»;

Таким образом, звуковой символизм звукоизобразительных слов в коми-пермяцком языке связан с семантикой *физиологические и мимические движения, извилистость* (кривизна), *торчат* (выделяться), *многократность – однократность, мгновенность – длительность, беспорядочность* (хаотичность), *пейоративность* (небрежное), *димиутивность* (уменьшительности, малости, незначительности); *аугментативность* (увеличения интенсивности), *устойчивость, прочность – неустойчивость, шаткость; свисание, болтание; неопределенное множество.*

Следует отметить, что намеченная здесь область звуко-символизма коми-пермяцкого языка во многом совпадает с данными по славянским [8] и африканским [16] языкам: *быстрые движения*; движение по *неровной траектории* (зигзагами или хаотично); *отрицательные эмоции* (прежде всего, пренебрежение и отвращение); *множество или мелкий размер, кривизна, округлость и/или «выпирающие» части или предметы, природные явления* и пр. Сфера звуко-символизма исследована недостаточно во всех языках, что определяет значительные перспективы для ее изучения.

Значимым фактом исследования звукового символизма в коми-пермяцком языке на уровне слова и морфемы является совпадение их семантики, что указывает на правомерность фоносемантического подхода к исследованию звукоизобразительности, а также на достоверность полученных результатов. Звуковой символизм слова и аффиксов в коми-пермяцком языке покрывает следующие общие семантические области: *мгновенность – длительность, однократность – многократность, димиутивность* (уменьшительность, малость, незначительность) – *аугментативность* (увеличения интенсивности), *преобладание, доминирование, избыточность; эмоциональная оценка* (пейоративная и мелиоративная семантика).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алатырев В.И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь / под ред. В.М.Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. С. 586.
2. Алатырев В.И. Междометно-наречные повторы в удмуртском языке // Учен. зап. ЛГУ № 105. 1947. Вып. 2. С. 216-236.
3. Бубрих Д.В. К проблеме изобразительной речи // Учен. зап. Карело-Фин. ун-та. Исторические и филологические науки. 1948. Т. 3, вып. I. С. 85-94.
4. Воронин С.В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 244 с.
5. Газов-Гинзберг А.М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М.: Наука, 1965. 184 с.
6. Гурджиева Е.Л. Элементарный звуковой символизм: (Статистическое исследование): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 30 с.
7. Имайкина М.Л. Наречно-изобразительные слова в мордовском языке: дис. ... канд. филол. наук. Тарту: Тарт. ун-т, 1968. 16 с.
8. Колева-Златева Ж. Славянская лексика звуко-символического происхождения. Дебрецен, 2008. 355 с.
9. Комарницкая Л.А. Субъективный и объективный звуковой символизм в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1985. 17 с.
10. Кривошекова-Гантман А.С. Собрание сочинений в 2 томах. Т. 1. Грамматика, диалектология, лексика и фразеология, проблемы развития языка. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2006.

11. Кушнерик В.И. Фонетическое значение и фонетическая мотивированность в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1987. 15 с.
12. Лыткин В.И., Гуляев Г.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Сыктывкар, 1999. 430 с.
13. Левицкий В.В. Звуковой символизм: Мифы и реальность. Черновцы: Рута, 2009. 186 с. [Авторский электронный вариант].
14. Мифология коми. Энциклопедия уральских мифологий. URL: <http://www.komi.com/folk>.
15. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность в языковом сознании и художественном тексте: универсальный, национальный, индивидуальный аспекты: дис. ... докт. филол. наук. Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2008. 442 с.
16. Рожанский Ф.И. Редупликация как объект типологии // АСТА LINGUISTICA PETROPOLITANA: Тр. Ин-та лингвистич. исслед. РАН. Т. VI. Ч. 3. Матер. Седьмой Конф. по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб.: Наука, 2010. С.192-212.
17. Соколов С.В. Пышкылон (звукоподажательные) кыльес но междометиос // Вордскем кыл. 1996. № 4. С. 69-73.
18. Узнадзе Д.Н. Общая психология. Изд-во: Питер, 2004. 413 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986-1987.
20. Bently M., Varon E. An accessory study of phonetic symbolism // American Journal of Psychology. 1933. Vol. 45. P. 76-86.
21. Brown R. Words and Things. New York: The Free Press, 1958. 398 p.
22. Cytowic R. Synesthesia: A Union of the Senses. 2-edition. MIT Press, 2002. 424 с.
23. Hinton L., Nichols J., Ohala J. Sound-symbolic processes // Sound Symbolism. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 107-113.
24. Kainz F. Psychologie der Sprache. Berlin, 1960. 293 p.
25. Magnus M. Gods of the word. Truman State University Press, 2001. 192 p.
26. Marks L.E. Bright sneezes and dark coughs, loud sunlight and soft moonlight // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, 1982. Vol. 8. P. 177-193.
27. Marks L.E. (1987). On cross-modal similarity: Auditory – visual interactions in speeded discrimination // Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance, 1987. Vol. 13. P. 384-394.
28. Sapir E. A study in Phonetic Symbolism // Journal of Experimental Psychology. 1929. Vol. 12. P. 225-239.
29. Ward J., Simner J. Lexical – gustatory synesthesia: Linguistic and conceptual factors // Cognition. 2003. Vol. 89. P. 237-261.
30. Wescott R.W. Labio-velarity and derogation in English // American Speech. Spring. 1971. P. 123-137.

Поступила в редакцию 14.01.16

S.S. Shlyakhova

SOUND SYMBOLISM IN THE KOMI-PERMYAK LANGUAGE: INITIAL SET OF CONSONANTS, MORPHEME, WORD. ARTICLE THREE

The article consists of three parts. The third article deals with the main approaches to the definition of sound-symbolic words and their typology in Indo-European and Finno-Ugric studies; the marginality of the borders between sound symbolism and onomatopoeia is determined; the author describes the main groups of sound-symbolic words on the basis of kinetic factor: intra-kinetic and extra-kinetic. It is established that the sound symbolism of morphemes and sound-symbolic words of the Komi-Permyak language covers common semantic fields.

Keywords: Permian languages, Komi-Permyak language, phonosemantics, synesthesia, sound symbolism, onomatopoeia, iconism, sound-symbolic words.

Шляхова Светлана Сергеевна,
доктор филологических наук, профессор кафедры
общего языкознания

ФГБОУ ВПО «Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет»
614000, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская, 24
E-mail: shlyahova@rambler.ru

Shlyakhova S.S.,
Doctor of Philology, Professor at Department
of General Linguistics

Perm State Teachers' Training University
Sibirskaya st., 24, Perm, Russia, 614000
E-mail: shlyahova@rambler.ru